
АРИНА ВОЛЬСКАЯ
РАЗВОД В 53.
ТЫ ВЫСТАВИЛ
МНЕ СЧЁТ

Арина Вольская

Развод в 53. Ты выставил мне счёт

«Литнет»
2026

Вольская А.

Развод в 53. Ты выставил мне счёт / А. Вольская — «Литнет», 2026

Муж включил похороны моей мамы в счёт за наш брак. А родная дочь помогла ему всё подсчитать.Мне пятьдесят три. Я накрываю стол для семейного обеда, ещё не зная, что двое самых близких людей уже договорились за моей спиной. Павел хвалит мясо, сообщает, что у него другая, и кладёт возле моей тарелки папку. Декрет, лечение, подаренная поездка, помощь маме — оказывается, за тридцать один год я задолжала ему столько, что на достойную долю от нашего дома рассчитывать нечего.— Мам, ты хотя бы теперь подумай о папе, — просит дочь и пододвигает ко мне расчёт. Муж кивает: он ведь и так оставляет мне достаточно.Его любовница уже строит планы на наши деньги. А я пока даже не знаю, что в ту неделю, когда просила мужа оплатить ночную сиделку для умирающей мамы, он покупал подарки другой женщине.Они уверены, что я поплачу и соглашусь. Только Павел слишком рано пообещал любовнице деньги, от которых я ещё не отказалась. И теперь ему придётся услышать мой ответ.

© Вольская А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Папка возле тарелки 5
Глава 2. Пока я благодарила 11
Глава 3. Я ничего не обещала 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Глава 1. Папка возле тарелки

Марина вынула мясо из духовки и поставила противень на деревянную доску, заранее отодвинув от края стола чашку с остывшим чаем. Горячий пар ударил в лицо, очки сразу запотели, и пришлось снять их, зацепив дужку мизинцем, потому что обе руки были заняты прихватками. Под фольгой негромко потрескивал жир. Она осторожно приподняла край, проверила ножом самый толстый кусок и только тогда позволила себе выдохнуть: не пересушила, хотя последние двадцать минут беспрерывно отвлекалась и дважды забывала, зачем подошла к холодильнику. Даша любила мясо именно таким, чтобы корочка оставалась тонкой, а середина легко расходилась под вилкой. Марина наклонилась ближе, полила верх собравшимся соком и снова прикрыла противень, оставив небольшую щель.

За окном медленно сыпал мелкий снег. На ступеньках уже лежал новый белый слой, хотя утром Павел выходил с лопатой, и Марина подумала, что надо будет попросить его ещё раз расчистить дорожку перед приездом дочери. Дом требовал чего-нибудь постоянно: то скользило крыльцо, то начинал гудеть насос, то в дальней комнате становилось холоднее, чем в остальных. Прежде она воспринимала эти хлопоты как неизбежную часть хорошей жизни, но теперь всё чаще ловила себя на желании закрыть за собой дверь небольшой квартиры и больше ни о чём подобном не думать. От школы до квартиры можно было бы дойти пешком. По дороге покупать хлеб, заходить в книжный, а не считать, успеет ли она на автобус, пока Павел занят и не может забрать её.

В среду он сам спросил, не хотела бы она перебраться в город. Марина тогда стояла возле стиральной машины с мокрым пододеяльником в руках и даже не сразу ответила, боясь неправильно понять неожиданную уступку. Павел повторил вопрос, уточнил, сколько комнат ей кажется достаточным, и велел пока не увлекаться объявлениями: сначала нужно спокойно поговорить. Вчера попросил позвать Дашу на обед, непременно одну, чтобы не приходилось ни под кого подстраиваться. Марина не стала выяснять, почему разговор о доме нельзя вести при зяте. Она решила, что мужу хочется обсудить с дочерью что-то ещё, возможно, их собственные жилищные планы, и всё воскресное утро думала о квартире с окнами во двор и о том, что весной они наконец смогут куда-нибудь уехать.

— Ты опять всего наготовила, — заметил Павел, появившись в дверях кухни, и остановился возле стола, на котором остывал яблочный пирог. Он уже переоделся в светлую рубашку и тёмные брюки, хотя обычно в выходные до самого вечера ходил в старом домашнем костюме. — Нас трое, Марин. Потом сама же будешь говорить, что устала. Что отнести?

Марина протянула ему салатницу и попросила поставить её подальше от батареи. Ей понравилось, что он спросил сам: в последние месяцы приходилось либо всё делать одной, либо отдельно объяснять, какую тарелку взять и куда отнести. Она проводила взглядом его широкую спину, знакомую складку ткани под лопаткой и почувствовала осторожное облегчение. После маминой смерти они словно никак не могли вернуться к обычной жизни, хотя Марина понимала, что возвращаться в точности было уже некуда. В комнате на первом этаже стояла застеленная кровать, в шкафу оставались несколько кофт, которые она всё собиралась разобрать, и всякий раз, проходя мимо приоткрытой двери, она невольно прислушивалась.

Даша приехала без десяти два, позвонила с крыльца, потому что не хотела лезть за ключами в сумку, и вошла вместе с порывом холодного воздуха. На плечах её пальто блестели снежинки, одна прилипла к ресницам и растаяла, когда она наклонилась поцеловать мать. Марина придержала её за локоть, чтобы та не поскользнулась на влажном коврике, и только после этого заметила, как крепко дочь сжимает телефон. Даша торопливо убрала его в карман, стянула перчатки и спросила, дома ли папа. Марина кивнула в сторону столовой и потянулась расправить загнувшийся воротник её пальто, но дочь уже расстегнула молнию.

— Как пахнет, мам. Ты мясо сделала? — Даша повесила пальто и заглянула через плечо матери на кухню, улыбнувшись привычной голодной улыбкой. — Я с утра только кофе выпила. Мы вчера поздно вернулись, и я сегодня никак не могла проснуться. Папа говорил к двум, я не опоздала?

— Почти всё готово, руки только вымой, — ответила Марина, убирая дочерины перчатки на полку, чтобы не потерялись. Одна была вывернута наизнанку, и она расправила пальцы, как делала, когда Даша ещё ходила в школу. — Пирога тебе потом положу с собой. И не надо пить один кофе, у тебя же после него желудок болит. В ванной чистое полотенце на крючке, я утром повесила.

За столом Даша села напротив отца, оставив Марине привычное место ближе к кухне. Так садились всегда, чтобы ей было удобнее приносить горячее, и раньше она не замечала в этом ничего особенного. Павел спросил о работе, дочь пожаловалась на человека, который второй раз переделывал уже согласованное задание, и они несколько минут обсуждали, как лучше ему ответить. Марина разложила мясо, выбрала для Даши кусок почти без жира, подвинула к мужу блюдо с картофелем. Пока они говорили, она вытерла каплю соуса возле его тарелки и наконец села сама. Ей хотелось рассказать, что в школе освободились удобные часы и, если они переберутся ближе, можно будет иначе распределить занятия, но Павел как раз задавал дочери следующий вопрос.

— Хорошо получилось, — сказал он, отрезав мясо и посмотрев на жену. Марина по привычке спросила, не слишком ли солёное, и он покачал головой, уже дотягиваясь до салата. — Всё нормально. Ты сама ешь, а то будешь опять доедать холодное. Даша, воды себе налей, графин рядом с тобой.

Марина взяла вилку, но есть почему-то не хотелось. Она всё прислушивалась, когда Павел перейдёт к тому, ради чего собирал их, и от этого обычный разговор о работе начинал казаться чрезмерно долгим. Дочь ела быстро, почти не поднимая глаз, изредка поправляла волосы за ухом и один раз проверила телефон под краем стола. Марина посмотрела на мужа, дождалась паузы и сказала, что утром всё-таки открыла объявления о квартирах. Только посмотрела, без звонков. Возле школы были два интересных варианта, и один даже с хорошей большой кухней, где можно было бы спокойно собираться, когда Даша придёт с мужем.

— Марин, давай пока без квартир, — перебил Павел и положил нож на край тарелки. Он вытер рот салфеткой, сложил её вдвое и придвинул к стакану, освобождая перед собой место. — Нам сначала другое обсудить нужно. Я потому Дашу и попросил приехать, чтобы потом не объяснять каждому отдельно. У меня есть женщина. Мы с тобой будем расходиться.

Марина ещё несколько секунд смотрела на него, ожидая продолжения, которое изменит смысл услышанного. Павел произнёс это тем же голосом, каким только что расспрашивал дочь о работе, и лицо у него осталось обычным, сосредоточенным, немного нетерпеливым. На манжете темнело маленькое влажное пятно: должно быть, задел салатницу, когда переносил со стола. Марина заметила его с ненужной отчётливостью, а потом почувствовала, что держит вилку слишком крепко и зубцы упираются в тарелку. Она осторожно разжала пальцы. Вилка звякнула, и Даша сразу подняла голову, словно ждала именно этого звука.

— Какая женщина? — спросила Марина, повернувшись к дочери и снова к мужу. Она понимала, насколько бессмысленно прозвучал вопрос, но другого пока не находилось. — Ты сейчас о чём говоришь? Ты же сам сказал про переезд. В среду, когда я… Паша, ты что сейчас сказал?

— Я сказал, что у меня другая женщина, — повторил он чуть медленнее, будто Марина не расслышала. Павел отодвинул стул, наклонился к стоявшей возле ножки кожаной сумке и достал тонкую серую папку. — И я хочу, чтобы мы нормально всё решили. Без лишних сцен, без попыток испортить друг другу жизнь. Квартира у тебя будет, мы это тоже обсудим. Я ничего не собираюсь от тебя скрывать.

— Мам, ты только выслушай сначала, — вмешалась Даша и положила телефон на стол экраном вниз. Она смотрела на мать напряжённо, почти просительно, но удивления на её лице не было. — Папа всё объяснит. Давай не будем сразу ругаться, мы ведь для того и собрались, чтобы поговорить спокойно. Ты ещё даже не знаешь, что он предлагает.

Марина медленно повернулась к дочери. Ей хотелось спросить, откуда Даша знает, что отец будет что-то предлагать, однако папка уже легла возле её тарелки, закрыв вышитую веточку на скатерти. Павел положил её аккуратно, не задев ни вилку, ни нож, затем сам открыл прозрачную обложку и развернул к жене верхний лист. От бумаги пахло свежей печатью. Вверху стояло «Предлагаемые условия», ниже шли несколько коротких пунктов, а потом таблица, которую Марина сначала приняла за перечень имущества. Ей даже стало немного легче от этой ошибки: дом, вещи, деньги — всё это хотя бы можно было понять, в отличие от женщины, вдруг появившейся посреди их обеда.

На второй странице она увидела своё имя и слова «Содержание в период декрета». Марина перечитала строку, провела взглядом вправо до суммы, вернулась обратно. Ниже стояли расходы за другие годы, лечение, отдых, помощь матери; некоторые строки сопровождались датами, возле других были только пояснения, написанные тем сухим языком, каким Павел обычно составлял списки необходимых покупок. Она перевернула лист и тут же вернула его назад, потому что не успела разобраться даже с первым. В груди неприятно стянуло, пришлось расправить плечи, чтобы вдохнуть глубже. Павел наблюдал за её руками и ждал, не пытаясь помочь.

— Это что такое? — Марина коснулась пальцем строки про декрет и подняла на него глаза. Голос получился тише, чем она собиралась, и ей пришлось повторить вопрос. — Паша, что значит «содержание»? Это деньги, которые ты давал нам, когда Даша маленькая была? На квартиру, на продукты? Ты их сюда зачем написал?

— Чтобы у нас была полная картина, — ответил Павел, придвигая к себе стакан. Он сделал глоток воды и поставил его точно на влажный кружок, оставшийся на скатерти. — Я много лет обеспечивал семью. Ты работала столько, сколько считала нужным, я никогда не заставлял тебя приносить столько же. Но теперь, когда мы делим нажитое, справедливо вспомнить, сколько ты уже получила. Я, между прочим, далеко не всё включил.

Марина посмотрела на цифру ещё раз. Она не помнила, чтобы они когда-нибудь обсуждали её жизнь с ребёнком в таких выражениях, и не понимала, откуда взялась эта сумма. В их первой квартире зимой промерзал угол возле окна, Дашину кроватку пришлось переставить, а сама Марина спала у стены, потому что Павел вставал раньше и ему было удобнее выходить со своей стороны. Она помнила кастрюльку с супом, который оставляла мужу на плите, помнила, как днём старалась успеть в магазин между кормлениями. Денег тогда действительно было немного. Тем непонятнее выглядела ровная, уверенная цифра, будто кто-то всё это время отмечал стоимость каждого её дня.

— Ты как это посчитал? — спросила она, подвинув лист к середине стола. Палец оставил на бумаге едва заметный след от соуса, и Марина машинально попыталась стереть его салфеткой. — Мы тогда на всё вместе тратили. Ты сам говорил, чтобы я пока не выходила, чтобы Даша подросла. Мы же это с тобой решали, Паша. Она не только мой ребёнок.

— Дашины расходы я тебе не предъявляю, — произнёс он с подчёркнутым терпением и взял нож. Пока говорил, отрезал от мяса небольшой кусок, но есть не стал, оставив его возле картофеля. — Не нужно передёргивать. Здесь то, что шло на тебя. За давние годы, конечно, приблизительно, я не могу каждую бумажку за тридцать лет хранить. Но ты сама понимаешь, что это не с потолка взято. И Даша понимает.

Дочь отвела глаза к своей тарелке. Марина ждала, что она сейчас скажет хотя бы что-нибудь о том, как смешно отделять материнский обед от детского, когда они обе ели из одной кастрюли, но Даша только взяла стакан и отпила воды. На её безымянном пальце блеснуло

обручальное кольцо. Марина неожиданно вспомнила, как они вместе выбирали платье, как дочь выходила из примерочной босиком, придерживая подол, и спрашивала, не слишком ли открыта спина. Тогда Марине казалось, что между ними есть вещи, которые никогда не придётся объяснять. Сейчас она не могла понять, почему дочь молчит именно там, где всё должно быть очевидно.

Следующая строка касалась лечения. Марина узнала сумму: Павел сам забирал документы, пока она ещё плохо ходила после операции, и потом долго не разрешал ей поднимать тяжёлую сумку. Она помнила, как стояла у кухонного стола, держась за край ладонью, а он наливал ей чай и ворчал, что нужно было позвать. Воспоминание оказалось таким ясным, что на секунду почти перебило происходящее. Марина подняла глаза на мужа и попыталась увидеть в его лице того человека, который поправлял ей подушку под спиной. Павел тем временем перевернул лежавший перед ним экземпляр на ту же страницу.

— Лечение тоже? — спросила она и почувствовала, как начинает дрожать нижняя губа. Чтобы это скрыть, пришлось прижать к губам салфетку, хотя вытирать было нечего. — Ты же сам меня отвёз. Сказал, чтобы я не думала о деньгах. Я ещё хотела подождать, а ты сказал, что ждать нельзя. Теперь это тоже вычитается?

— Марина, необходимость лечения не отменяет того, что я за него заплатил, — ответил Павел. Он нахмурился, и в голосе появилась знакомая усталость от разговора, который, по его мнению, слишком затягивался. — Я ведь не говорю, что не нужно было лечиться. Нужно было, и ты лечилась. Только деньги от этого ниоткуда не появились. Посмотри дальше, там всё вместе, не надо за каждую строку цепляться.

Дальше была поездка на их годовщину. Марина узнала её по месяцу и вдруг вспомнила жёлтый чемодан, который Павел купил ей перед отъездом, потому что у старого разошлась молния. Он поставил новый возле кровати, спрятав внутрь распечатанное подтверждение бронирования, и она сначала рассердилась, решив, что он опять приобрёл ненужную вещь. Потом смеялась и обнимала его, стоя на коленях возле открытого чемодана. Марина не стала рассказывать об этом сейчас. Даша была тогда у них дома и видела, как мать радовалась; достаточно было посмотреть на неё, чтобы понять, что напоминание ничего не изменит.

— Папа не просит тебя сейчас вернуть деньги, — сказала Даша, осторожно придвигая к матери верхний лист. Она говорила негромко, почти ласково, и от этого Марине становилось ещё труднее слушать. — Ты посмотри предложение целиком. После продажи дома тебе остаётся на квартиру, никто тебя на улицу не выгоняет. Просто нельзя сделать вид, что до сегодняшнего дня он для тебя ничего не делал. Ему тоже дальше жить надо.

Марина убрала руку, чтобы дочь не накрыла её своей ладонью. Она не собиралась делать это резко, но движение получилось таким быстрым, что Даша замолчала и выпрямилась. Несколько секунд слышалось только негромкое гудение холодильника за кухонной дверью. Павел посмотрел на дочь с неодобрением, словно та выбрала неудачный способ объяснения, потом снова повернулся к жене. Марина опустила взгляд на последнюю страницу. Внизу, перед итоговой суммой, стояла строка, которую она до сих пор не заметила: «Похороны матери». Справа было напечатано сто восемьдесят четыре тысячи шестьсот рублей.

Ей пришлось прочитать это дважды. Она помнила тот день почти без лиц: мокрый снег на чёрной ткани, чью-то ладонь под локтем, край гроба, за который зачем-то держалась, когда её уже просили отойти. Помнила, как вечером не могла найти мамину расчёску, хотя утром сама убрала её в ящик, и плакала из-за этого с такой силой, что Даша усадила её на кровать и долго гладила по плечам. Павел тогда занимался деньгами. Марина была ему благодарна за то, что не приходилось разговаривать с незнакомыми людьми и разбираться, кому сколько отдать. Теперь выяснялось, что он всё сохранил достаточно точно, чтобы прибавить к остальному и последние шестьсот рублей.

— Здесь мама, — сказала Марина, не поднимая головы. Она услышала собственный голос и с трудом узнала его: слова словно приходилось проталкивать через что-то плотное. — Ты похороны моей мамы написал. Паша, ты понимаешь, что это за деньги? Ты мне их сейчас предъявляешь?

— Я написал фактические расходы, — ответил Павел уже суше. Он положил нож и потёр переносицу большим и указательным пальцами, точно у него начинала болеть голова. — Ты сама тогда просила, чтобы я всем занялся. Я занялся, всё оплатил, тебя никто не дёргал. Или этого тоже не было? Марин, мы можем вообще ничего не считать, только тогда какой смысл разговаривать?

— Даша, посмотри, — попросила Марина, поворачивая лист к дочери. Бумага зацепилась за тарелку, угол загнулся, и она почему-то разгладила его, прежде чем продолжить. — Это бабушка. Ты же была со мной. Ты помнишь, как мы… Я не понимаю, почему ты молчишь. Скажи ему.

Даша посмотрела на строку, но не наклонилась ближе, не спросила, откуда она взялась. Марина заметила это сразу, с болезненной ясностью, и всё-таки продолжала ждать. Дочь прикусила губу, перевела взгляд на отца, затем снова на мать. В двадцать девять лет она ещё иногда делала то детское движение плечом, которым прежде пыталась освободиться от неприятного разговора, и сейчас Марина увидела его снова. Ей захотелось протянуть руку, поправить дочери волосы за ухом, вернуть на несколько минут прежнюю Дашу, которая сидела с ней осенью на кровати. Вместо этого она крепче прижала пальцы к загнувшемуся углу листа.

— Мам, папа ведь действительно платил, — произнесла Даша наконец. Она нахмурилась, будто сама страдала от необходимости объяснять такое, и заговорила быстрее. — Я понимаю, что тебе больно это видеть. Но если вы обсуждаете деньги, наверное, нужно учитывать всё. Не надо сейчас делать из этого… Ты только не начинай скандал, пожалуйста. Мы же ещё даже до конца не поговорили.

Марина медленно собрала листы в прежнем порядке. Один никак не попадал под другой, соскальзывал на скатерть, и Павел протянул руку помочь, но она удержала край папки. Ей нужно было несколько секунд, чтобы ничего не говорить. Она боялась, что, если откроет рот сразу, начнёт плакать так же беспомощно, как осенью, а они будут сидеть напротив и ждать, когда она успокоится и снова станет способна обсуждать предложенную сумму. Марина закрыла прозрачную обложку, провела ладонью по серому корешку и отодвинула папку от тарелки.

— Сегодня я ничего решать не буду, — сказала она, глядя на Павла. Слова вышли ровнее, чем она ожидала, и это позволило продолжить. — Я тебя услышала. И всё это прочитала. Но соглашаться сейчас ни с чем не стану. Мне нужно время.

— С чем именно ты не согласна? — спросил он и подался вперёд, сразу возвращаясь к листам. Павел потянул папку к себе, открыл на первой странице и постучал ногтем возле нижнего пункта. — Давай конкретно. Я же не требую, чтобы ты прямо за столом что-то подписывала. Скажи, что в целом тебя устраивает, и на следующей неделе спокойно всё оформим. Зачем опять растягивать?

— Я не сказала, что меня устраивает, — ответила Марина и впервые за весь разговор посмотрела ему прямо в глаза, не пытаясь найти там прежнюю нежность. Она всё ещё плохо понимала, что будет вечером, где он собирается спать и как ей завтра идти на работу с этим знанием, но повторить собственные слова оказалось возможно. — Я сказала, что сегодня ничего решать не буду. Пожалуйста, больше меня сейчас не спрашивай. Я не могу продолжать.

Павел откинулся на спинку стула и выдохнул через нос. Даша потянулась к стакану, передумала и убрала руки под стол; на её лице появилось то закрытое, обиженное выражение, с которым она прежде выслушивала материнские замечания. Марина смотрела на них обоих и чувствовала, как усталость постепенно становится тяжёлой, почти физической. Ещё час назад

она думала о большой кухне в новой квартире и о том, куда поставить стол, чтобы всем хватило места. Теперь хотелось только встать, но даже это казалось неудобным, будто она нарушит какое-то правило и даст им ещё один повод говорить о её неспособности вести себя спокойно.

— Ну хорошо, — сказал Павел после паузы, закрывая свою копию. Он достал телефон, посмотрел на экран и поднялся, отодвинув стул привычным движением колена. — Почитай ещё раз без эмоций. Я никуда не исчезаю, можем потом вернуться к разговору. Даша, ты чай будешь? Марина пирог испекла.

Дочь тихо ответила, что ей уже пора. Марина встала вместе с ней и пошла на кухню, хотя никто не просил её ничего приносить. Пирог лежал на доске под полотенцем, возле него стояла коробка, приготовленная утром для Даши. Марина сняла полотенце, отрезала два куска и уложила внутрь, стараясь не раскрошить корочку. Руки знали, как подхватить ломтик широким ножом, как сложить бумагу, чтобы начинка не испачкала крышку. Она закончила и только тогда поняла, что всё ещё делает то, что обещала дочери, когда та вошла в дом.

В прихожей Даша уже застёгивала пальто. Павел поднялся в кабинет, и сверху донёсся короткий звук закрывшейся двери. Марина протянула коробку, дочь взяла её обеими руками и неловко поблагодарила, будто подарок сейчас чем-то мешал. На коврике темнели мокрые следы от сапог. Марина посмотрела на них, подумала, что потом нужно будет вытереть пол, и почувствовала слабую злость на собственную голову, которая продолжала замечать такие вещи.

— Мам, ты только не накручивай себя, — сказала Даша, прижимая коробку к боку, чтобы освободить руку для сумки. Она снова заговорила тем осторожным тоном, которым просила выслушать отца за столом. — Папа не хочет тебе плохого. Просто так получилось, и теперь надо как-то всем дальше жить. Я тебе вечером электронный вариант пришлю, там удобнее посмотреть. Можно спокойно открыть и разобраться.

— Какой вариант? — спросила Марина, хотя уже поняла. Она стояла возле вешалки, положив ладонь на край полки, и чувствовала под пальцами мелкую царапину, которую давно собирались закрасить. — Откуда он у тебя, Даша? Папа тебе заранее всё это прислал?

— Ну да, я же ему помогала, — ответила дочь и на секунду замерла, заметив выражение материнского лица. Потом торопливо поправила ремень сумки и добавила: — Он записал расходы, а я свела в таблицу, чтобы было понятно. Просто привела в нормальный вид. Мам, это ничего не меняет, ты всё равно должна сначала сама посмотреть. Я поэтому и говорю, что пришлю файл.

Марина не ответила. Даша потянулась поцеловать её на прощание, но остановилась на полпути и только коснулась материнской руки, лежавшей на полке. Ей пришлось переложить коробку, чтобы открыть дверь, и Марина зачем-то придержала её, пропуская дочь на крыльцо. Холодный воздух коснулся разгорячённого лица. Даша сказала, что позвонит, осторожно спустилась по присыпанным снегом ступенькам и пошла к машине. Марина ещё несколько секунд стояла в открытых дверях, потом закрыла дверь и повернула ключ в замке.

В столовой всё осталось почти как прежде. У Павла на тарелке лежал недоеденный картофель, у Даши — тонко срезанный край мяса; её стакан был передвинут ближе к середине стола, на скатерти расплывалось влажное пятно. Марина взяла дочерину тарелку, собираясь отнести на кухню, но поставила обратно. Рядом лежала папка, и сквозь прозрачную обложку виднелись аккуратные края листов. Даша выравнивала эти строки, читала их раньше, чем сегодня сняла в прихожей перчатки, раньше, чем поцеловала мать и спросила, что пахнет из духовки. Она знала, что лежит в папке возле тарелки, и всё равно приехала помочь отцу объяснить, почему Марина должна согласиться.

Глава 2. Пока я благодарила

Марина всё-таки убрала со стола, хотя потом не смогла бы объяснить, зачем сделала это сразу. Отнесла на кухню тарелки, переложила оставшееся мясо в стеклянную форму, вытерла со скатерти воду. Дашин стакан поставила в раковину последним и некоторое время держала под струёй, глядя, как пузырьки воздуха собираются на дне. Наверху негромко разговаривал Павел. Отдельных слов было не разобрать, только знакомые понижения голоса, короткая пауза, смешок, и Марина выключила воду, чтобы услышать лучше, а затем с отвращением к себе повернула кран снова. Она стояла в собственном доме и пыталась определить по интонации мужа, с кем он говорит, будто за последние полчаса разучилась задавать прямые вопросы.

Папку она оставила в столовой. Перед тем как подняться наверх, посмотрела на неё с порога, но брать не стала: ей хотелось поговорить о другом, хотя она ещё не знала, как заставить Павла это понять. На лестнице под ногой привычно скрипнула третья сверху ступенька. Муж обещал посмотреть её ещё летом, потом стало не до того, и Марина несколько раз подкладывала под расшатавшуюся дощечку сложенную бумагу, пока не перестала замечать звук. Сейчас почему-то вспомнилось, как они только въехали сюда и Павел, услышав каждый новый скрип, немедленно шёл за инструментами. Ему нравилось самому показывать, что всё исправлено, а она послушно наступала на ступеньку и говорила, что стало гораздо лучше.

Дверь кабинета была приоткрыта. Павел сидел за столом, повернувшись боком к окну, и смотрел в телефон; свой экземпляр расчёта положил возле клавиатуры под очечник. Когда Марина вошла, он поднял голову и сразу придвинул бумаги ближе, очевидно решив, что она наконец готова продолжать. Это движение остановило её возле кресла. Она увидела, насколько мало сомнений оставалось у него в цели любого их разговора, и поняла, что сейчас опять услышит о расходах, сроках и квартире, которую ей позволят купить. Павел указал на кресло ладонью, ожидая, что она сядет.

— Я не про это, — сказала Марина, кивнув на листы. Она всё же опустилась на край кресла, потому что стоять над ним было неудобно, и положила руки на колени, пряча влажные после мытья посуды пальцы. — Убери, пожалуйста. Я хочу с тобой поговорить. Без этих расчётов и без Даши. Ты можешь сейчас просто меня выслушать?

— Я тебя слушаю с самого обеда, — ответил Павел, но бумаги отодвинул. Он снял очки, положил их поверх очечника и выпрямился, словно предоставлял ей время на выступление, которое считал заранее ненужным. — Только давай не начинать всё сначала. Я понимаю, что это тяжело, и не жду, что ты обрадуешься. Но решение я уже принял, Марин. Если ты хочешь спросить что-то конкретное, спрашивай.

Она посмотрела на его руки. На правом указательном пальце, возле сустава, белел тонкий старый шрам, оставшийся после ремонта в их первой квартире. Павел тогда распорол кожу об острый край банки, сердился на собственную неловкость и не давал ей толком промыть рану, потому что нужно было закончить стену до вечера. Марина держала его кисть над раковиной, а он другой рукой поправлял ей сползшую прядь и обещал, что следующий ремонт они будут только принимать у рабочих. Они оба смеялись. Ей было двадцать с небольшим, и она верила не столько обещанию о рабочих, сколько тому, что он обязательно будет рядом, когда придёт время следующего ремонта.

— Когда ты начал так обо мне думать? — спросила Марина, подняв глаза от его руки. Павел нахмурился, и она пояснила, стараясь не сбиться на привычные вопросы о том, почему он поступил именно так. — Что я жила за твой счёт. Что ты меня всё время содержал и я теперь должна это как-то возместить. Ты давно так считаешь? Ещё тогда, когда мы только поженились?

— Не придумывай, — сказал он и потянулся к оставленной возле монитора кружке, но, заметив, что она пуста, поставил обратно. — Никто тебя с первого дня не считал. Мы жили как все, потом у меня стало получаться, я зарабатывал больше. Ты могла заниматься тем, что тебе нравится. Разве я когда-нибудь говорил тебе уходить из школы и искать нормальную зарплату? Другие жёны работают с утра до ночи, а ты имела возможность выбирать.

Марина услышала в его ответе знакомое слово и вдруг поняла, как часто он произносил его в последние годы. Нормальная зарплата, нормальная занятость, нормальная усталость после работы; её уроки обычно оставались за пределами этих определений. Она не спорила, потому что суммы действительно различались, а объяснять мужу, почему после нескольких занятий подряд хочется помолчать, казалось мелочным. Сейчас ей было трудно вспомнить, когда впервые промолчала, услышав подобное. Зато она хорошо помнила, как когда-то Павел стоял у школьного крыльца после её вечерних уроков, засунув руки в карманы короткой куртки, и размахивал перчаткой, чтобы она увидела его через стеклянную дверь.

— Ты приезжал за мной даже тогда, когда тебе было совсем не по пути, — сказала она. Марина наклонилась вперёд, сама не замечая, что снова пытается приблизиться, как приближалась, когда они говорили о чём-нибудь важном. — Зимой ждал у входа, потому что там темно было. Помнишь, я ещё сердилась, что ты мёрзнешь, а ты говорил, что всё равно гуляешь. Мы шли до остановки, и ты рассказывал мне, что у тебя за день случилось. Тогда тебе нравилось, что я работаю в школе.

— И что ты хочешь этим сказать? — Павел смотрел на неё без улыбки, но и без попытки отрицать воспоминание. Он провёл ладонью по краю стола и убрал случайную крошку, неизвестно откуда взявшуюся возле бумаг. — Да, я приезжал. Я вообще много для тебя делал, Марина. Ты сейчас сама об этом говоришь. Поэтому мне и непонятно, почему ты встретила нормальное предложение так, будто я тебя всю жизнь мучил.

Она откинулась назад. Некоторое время Марина молчала, прислушиваясь к собственному дыханию, и пыталась понять, как у него получилось превратить даже это воспоминание в подтверждение своей правоты. Она не говорила, что он мучил её всю жизнь. Именно потому, что он не был таким всегда, ей сейчас хотелось сидеть напротив и искать в знакомом лице хоть что-то, что позволило бы продолжить разговор. Павел помнил те же вечера, ту же куртку, ту же остановку. Но, похоже, вспоминал их с другим чувством и совсем для другой цели.

— Когда Даша родилась, ты плакал, — произнесла Марина после паузы. Она смотрела на него прямо и видела, как ему становится неловко от самого упоминания этой подробности. — Ты думал, я не замечаю, потому что мне не до того было. А потом всё спрашивал, точно ли можно её так держать, и боялся расстегнуть одеяло. Ты был счастлив, Паша. Я это не придумала сейчас, чтобы тебе помешать.

— Конечно, был, — ответил он резче, чем прежде. Павел отодвинул кресло от стола, но не встал, только сцепил руки на животе и посмотрел в сторону окна. — Это моя дочь. И тебя я любил, если ты именно об этом спрашиваешь. Что теперь, я обязан до конца жизни делать вид, будто ничего не изменилось? Мне пятьдесят шесть, Марин. Я хочу ещё пожить, пока могу, а не только вспоминать, как мы тридцать лет назад радовались ребёнку.

Марина опустила глаза. Ей вспомнилась другая ночь, уже позже, когда Даша заболела и никак не могла заснуть: стоило положить её в кроватку, как она начинала плакать и тянуть к матери горячие руки. Марина тогда почти сутки не спала. Павел пришёл с работы поздно, увидел, как она сидит на краю кровати, качаясь вместе с дочерью, и молча забрал девочку. Велел жене лечь, погасил верхний свет и ходил по комнате, прижимая Дашу к плечу. Когда Марина проснулась, за окном уже светало, а он всё ещё сидел в кресле, неудобно запрокинув голову, с уснувшей дочерью на груди.

Она почти рассказала об этом вслух, но остановилась. Павел подтвердил бы и эту ночь, а затем, вероятно, спросил, мало ли он сделал для семьи. Марина поняла, что ищет доказа-

тельства любви у человека, который уже согласился, что любил, и при этом не увидел в своём нынешнем поступке ничего несовместимого с прошлым. От этого стало хуже, чем если бы он начал отрицать очевидное. Она поправила на колене складку юбки, провела пальцем по шву и спросила, как зовут женщину, ради которой он хочет пожить.

— Яна, — ответил Павел, и лицо у него едва заметно изменилось. Он снова повернулся к жене, теперь уже внимательнее, будто разговор наконец приблизился к предмету, который считал существенным. — У неё кофейня. Она сама всем занимается, очень много работает. Сразу скажу: никаких случайных встреч и никаких глупостей. У нас серьёзные отношения.

— Давно? — Марина заставила себя не отводить глаз. Ей хотелось услышать что-нибудь про последние недели, про недавнее знакомство, про внезапное увлечение, которое хотя бы оставило нетронутой большую часть прошедшего года. — Сколько вы вместе, Паша? Только не говори, что это теперь неважно. Я хочу знать.

Павел помедлил, затем ответил, что больше года. Марина повторила про себя эти слова и начала вспоминать прошлый январь: каникулы, Дашин приезд, поломавшуюся в мороз машину, вечер, когда они втроём долго сидели на кухне. Получалось, Яна уже была тогда. Марина спросила, так ли это, и муж коротко подтвердил, не уточняя подробностей. Она кивнула, словно получила простую справку, а потом почувствовала, что в кресле стало неудобно и нужно непременно куда-то переложить руки. На подлокотнике лежала нитка, выбившаяся из обивки; Марина несколько раз пригладила её пальцем.

— И пока мама болела, тоже? — спросила она, хотя ответ уже содержался в названном сроке. Павел нахмурился, и Марина поняла, что он снова считает вопрос лишним. — Ты приходил домой, спрашивал, как она, говорил мне, чтобы я поспала. Я тебе рассказывала, что врач сказал, что ночью было. А потом ты уходил к ней?

— Не нужно всё так выворачивать, — ответил он, поднимаясь из кресла. Павел прошёл к окну, отодвинул край занавески и посмотрел на заснеженную дорожку, будто там могло найтись что-нибудь, позволяющее переждать неприятную часть разговора. — Я домой приходил, с делами помогал, от твоей матери никуда не девался. У нас здесь весь дом под неё был устроен. Я не жаловался, хотя ты прекрасно понимаешь, что это было нелегко.

Марина посмотрела на дверь. Мама последние годы жила у них, и прежде они оба говорили об этом как о чём-то естественном. У неё не было своей квартиры, в которую можно было бы вернуться после болезни, не было денег, позволявших устроить отдельную удобную жизнь. Она переехала со своими вещами, несколькими коробками книг и старым настенным зеркалом, которое Марина повесила в комнате на первом этаже. Пианино к тому времени давно находилось у дочери: мама подарила его ей ещё до свадьбы, когда Марине казалось, что вся дальнейшая жизнь непременно будет связана с выступлениями и музыкой. После похорон никакого другого дома, никаких спрятанных сбережений не обнаружилось. Остались одежда, фотографии, мамины записи на полях книг и привычка прислушиваться по ночам.

— Ты сам сказал, что так будет лучше, — напомнила Марина. Она встала, потому что больше не могла смотреть на Павла снизу, и остановилась возле кресла, держась за спинку. — Когда она уже не могла одна оставаться, ты сказал: привози, разберёмся. Я спрашивала тебя, помнишь? Не просто решила, что мне так удобно. Ты сказал, что комната всё равно пустует, что мы справимся. Я тебя потом столько раз благодарила.

— Мы и справились, — произнёс Павел, оборачиваясь от окна. Теперь он говорил с раздражением, которое уже не старался скрыть полностью. — Но это не значит, что мне было приятно жить, когда внизу постоянно кто-то ходит, ночью двери открываются, утром нельзя нормально собраться. Ты всё время была возле неё. Любой разговор заканчивался тем, что ты устала, тебе некогда, тебе нужно вниз. У тебя вообще оставалось что-нибудь, кроме уроков и её болезни?

Марина вспомнила, как старалась прикрывать двери ладонью, чтобы замок не щёлкал, как снимала в коридоре тапочки и шла к матери босиком, потому что подошвы шлёпали по полу. Иногда утром Павел действительно говорил, что плохо спал. Она извинялась, предлагала закрывать дверь спальни, старалась ночью двигаться ещё тише. Ей казалось, что он сердится на усталость, на неудобный дом, на необходимость вставать слишком рано после тяжёлого дня. Сейчас он перечислял эти мелочи как основания, по которым она должна была заранее понять, почему ему понадобилась другая женщина.

— Она меня звала, — сказала Марина. Голос дрогнул, но она не стала останавливаться и ждать, пока сумеет произнести всё спокойнее. — Я не ходила ночью по дому от нечего делать. Ей было плохо, она боялась, иногда не могла сама повернуться. Что я должна была делать, Паша? Лежать наверху и ждать, когда она перестанет меня звать, чтобы ты выспался?

— Вот опять ты ставишь вопрос так, что я заранее виноват, — ответил он, возвращаясь к столу. Павел взял очки, покрутил их в руках и положил обратно, явно сдерживая желание закончить разговор. — Я разве говорил не ходить? Ходила, помогала, всё правильно. Но ты должна понимать, что у других людей тоже есть жизнь. Яна, например, даже когда у неё всё валится, умеет разговаривать не только о неприятностях. С ней можно посмеяться, куда-то пойти, что-то придумать. Она хочет жить.

Марина посмотрела на него и наконец заплакала. Слёзы пошли неожиданно, без облегчения, просто стало невозможно удерживать лицо неподвижным. Она отвернулась, вытащила из кармана платок и прижала к глазам, чувствуя злость от того, что Павел сейчас увидит именно то, о чём говорил: уставшую женщину, с которой снова нельзя спокойно обсудить будущее. Он не подошёл. Марина слышала, как он передвинул что-то на столе, как коротко выдохнул, и вспомнила десятки случаев, когда при первом её всхлипывании он уже обнимал за плечи. Тогда ей не приходилось решать, можно ли приблизиться самой.

— Ты хочешь, чтобы я за всё это ещё и уступила тебе деньги, — произнесла она, убирая платок. Марина не спрашивала, но Павел всё равно кивнул, будто она наконец сформулировала предмет их разногласия правильно. — За то, что ты был моим мужем. За то, что я верила, когда ты говорил: всё нормально, справимся. Ты мог сказать, что тебе тяжело. Мог со мной поговорить.

— А я сейчас с тобой что делаю? — спросил он. Павел снова сел, придвинул кресло к столу и посмотрел на лежащие под очечником бумаги. — Только ты не хочешь слышать. Я не предлагаю тебе остаться без жилья, не собираюсь исчезать и бросать всё на тебя. Я предлагаю нормально разойтись с учётом того, как мы жили. Марина, ты можешь хотя бы попытаться принять, что у меня тоже есть право чего-то хотеть?

Она поняла, что больше не сможет заставить себя произнести ещё одно воспоминание. Ни поездки за ней к школе, ни Дашина рождения, ни той ночи с ребёнком на руках здесь уже было недостаточно, потому что Павел не отказывался от прошлого. Он просто распоряжался им так же уверенно, как всем остальным, оставляя за собой право определять, что оно теперь означает. Марина убрала платок в карман и вышла из кабинета. Муж что-то сказал ей вслед о том, что можно поговорить вечером, но она не обернулась и не спросила, о чём ещё он собирается говорить.

Внизу она остановилась возле маминой комнаты. Покрывало лежало ровно, на спинке стула висела кофта, которую Марина сняла с вешалки несколько дней назад и так и не решила, куда убрать. Она взяла её, села на кровать и провела пальцами по мягкому, истончившемуся локтю. Мама любила эту кофту, хотя пуговицы давно не подходили одна к другой: потерявшуюся заменяла той, что находилась в коробке с нитками. Марина собиралась купить одинаковые, всё откладывала, а теперь сидела и рассматривала разницу в оттенках. Ей хотелось кому-нибудь позвонить, но первым человеком, которому она прежде позвонила бы, была Даша.

К вечеру голова разболелась от слёз и голода. Марина разогрела себе немного мяса, с трудом съела несколько кусочков и оставила тарелку на столе, решив вымыть позже. Телефон молчал. Дочь так и не прислала обещанный файл, и Марина то радовалась отсрочке, то брала телефон снова, будто вместе с таблицей могло прийти другое сообщение — короткое признание, что всё за обедом получилось страшно и неправильно. Когда наверху хлопнула дверь кабинета, она убрала телефон подальше. Ей не хотелось, чтобы Павел увидел, как она ждёт.

Перед сном муж спросил, где ему ложиться. Он стоял на пороге спальни с домашней рубашкой в руках и смотрел на Марину так, словно решение о ночлеге теперь зависело исключительно от того, насколько разумно она себя поведёт. Она сказала, что в гостевой комнате есть чистое бельё, верхняя полка шкафа справа. Павел помедлил, потом кивнул и ушёл. Марина закрыла дверь, легла на свою половину кровати и долго не могла вытянуть ноги: всё казалось, что нужно встать и сделать что-то ещё. Ночью несколько раз просыпалась от звуков в доме, прежде чем вспоминала, что вниз к матери идти уже не нужно.

Утром Павел уехал раньше, чем она спустилась на кухню. На столе стояла его чашка, в хлебнице остался надрезанный батон, а возле раковины лежал нож с засохшей полоской масла. Марина поставила чайник и открыла холодильник, но через минуту обнаружила, что всё ещё стоит перед ним, не решив, что собиралась достать. Она заставила себя приготовить завтрак, затем долго искала очки, которые оказались в кармане вчерашней кофты. До первого урока оставалось несколько часов. Марина попробовала разобрать тетради учеников, но всё время возвращалась взглядом к одной и той же записи и наконец начала одеваться, решив приехать в школу пораньше.

В автобусе было душно. Стёкла запотели, кто-то громко разговаривал по телефону возле задней двери, и Марина встала ближе к окну, придерживая сумку с нотами обеими руками. Она машинально отмечала знакомые остановки и думала, что сейчас Павел, вероятно, уже занят обычным рабочим днём. Эта мысль раздражала сильнее, чем хотелось признать. Ей тоже нужно было работать, объяснять, слушать, замечать чужие ошибки, и она не знала, как это получится, если даже простое приготовление завтрака потребовало усилия. Перед школой Марина остановилась, вытерла нос платком и только после этого потянула тяжёлую дверь.

В здании пахло мокрыми куртками, тёплой пылью и знакомой полиролью, которой протирали мебель в коридорах. Из дальнего класса доносились отдельные фразы, упорно повторяемые с начала, кто-то пробовал одну и ту же ноту на духовом инструменте. Марина поздоровалась с дежурной, взяла ключ и поднялась к себе. Здесь всё было оставлено так, как она сама расположила в пятницу: нотная папка на краю стола, карандаш между страницами журнала, небольшой стул возле пианино. Марина сняла пальто, расправила рукава и впервые за утро почувствовала, что хотя бы эти простые движения не требуют решения.

Первая ученица пришла чуть раньше, с красными от мороза щеками и расстёгнутым карманом рюкзака. Соня торопливо достала ноты, рассказала, что дома занималась каждый день, кроме субботы, и спросила, с чего начинать. Марина предложила сыграть знакомую пьесу целиком, села рядом и положила на колено раскрытую тетрадь. Девочка начала уверенно, затем замедлилась перед местом, которое на прошлом уроке они разбирали несколько раз. Марина слышала ошибку, но одновременно вспоминала, как Павел произнёс имя Яны, и запоздало поняла, что ученица уже смотрит на неё, ожидая замечания.

— Ещё раз отсюда, — сказала она и показала карандашом нужную строчку. Соня послушно переставила руки, сыграла несколько тактов и снова сбилась, на этот раз раньше. Марина почувствовала неожиданную, горячую злость, совершенно несоразмерную маленькой ошибке, и не успела остановиться. — Подожди. Ты вообще смотришь в ноты? Мы же всё это уже разобрали. Зачем ты сейчас опять делаешь то же самое?

Соня сразу убрала руки с клавиш. Она не заплакала, только сжала пальцы на коленях и опустила голову, так что Марина увидела пробор и плохо закреплённую заколку. В наступив-

шей тишине из соседнего класса донёсся чей-то уверенный голос, потом несколько громких аккордов. Марина посмотрела на карандаш в своей руке и поняла, что всё ещё держит его остриём к странице, словно собирается ткнуть в ошибку ещё раз. Она положила карандаш на стол и придвинула стул ближе, заставляя себя сперва выдохнуть.

— Соня, прости меня, — сказала Марина, дождавшись, пока девочка поднимет глаза. Ей было стыдно, и хотелось оправдаться усталостью, но она удержалась от длинного объяснения. — Я сейчас слишком резко с тобой заговорила. Ты имеешь право ошибаться, мы для того и занимаемся, чтобы разобраться. Давай я покажу, где ты начинаешь торопиться, а потом попробуем вместе. Хорошо?

Девочка кивнула не сразу. Марина села за инструмент, сыграла короткий отрывок медленно и попросила Соню отбить нужный ритм ладонью по колену. Они повторили несколько раз, затем поменялись местами, и ученица снова положила пальцы на клавиши. Теперь Марина слушала только её. Когда трудное место получилось, она не стала хвалить чрезмерно, будто старалась купить прощение, а просто показала, что именно изменилось, и предложила закрепить. К концу урока Соня уже сама попросила сыграть с начала и, собирая рюкзак, забыла застегнуть тот же карман.

Следующие занятия прошли легче, хотя между ними Марина дважды выходила умыться. Она держалась за знакомый порядок: отметить домашнюю работу, выслушать, объяснить, записать, что повторить к следующему разу. Несколько раз ловила себя на том, что ждёт вибрации телефона в сумке, и в конце концов убрала его в нижний ящик стола. Когда последняя ученица ушла, за окнами уже стемнело. Марина закрыла журнал, сложила ноты и только тогда заметила, как затекла спина. Ей не хотелось возвращаться домой, но оставаться в пустом классе тоже было незачем.

Антон Шестаков постучал, когда она надевала пальто. Он держал в одной руке рабочую сумку, другой придерживал дверь, чтобы та не ударилась о стену, и спросил, можно ли посмотреть инструмент сейчас или лучше прийти утром. Марина знала его много лет, хотя никогда не пыталась вспомнить, когда именно он впервые появился в школе. За это время у него поседели виски, на лице стали заметнее складки возле рта, но двигался он так же спокойно и уверенно. Увидев, что она уже собирается, Антон предложил оставить всё на следующий день. Марина неожиданно для себя сказала, что совершенно не торопится.

Он работал недолго, а она сидела за столом, расстегнув пальто и положив сумку на соседний стул. Из коридора доносились шаги, хлопали двери, кто-то громко желал хорошего вечера. Антон несколько раз проверил звук, убрал инструменты и закрыл свою сумку. Марина поднялась, собираясь уходить вместе с ним, но он посмотрел на стоявшую возле журнала нетронутую чашку и спросил, пила ли она сегодня хоть что-нибудь горячее. Она хотела ответить, что дома завтракала, и вдруг не смогла вспомнить, допила ли утренний чай.

— Пойдёмте в преподавательскую, там ещё никого не выгнали, — предложил Антон, подхватывая сумку. Он сказал это буднично, будто приглашал пройти в соседнюю комнату по общему делу, и не стал рассматривать её лицо внимательнее, когда она замялась. — Я сам с обеда собираюсь чай выпить. Каждый раз кажется, что сначала нужно закончить ещё пять минут, а потом уже оказывается вечер. Кипяток, по крайней мере, нам достанется.

В преподавательской горела только лампа возле дивана. На столе стояла жестяная коробка с печеньем, лежали забытые кем-то варежки и раскрытая газета, возле чайника сохли две вымытые ложки. Марина взяла свою кружку из шкафа, привычно сполоснула, хотя та была чистой, и села ближе к батарее. Антон налил чай себе, придвинул к ней коробку и спросил, как прошёл день. Она ответила, что трудно, и приготовилась к следующему вопросу, но он только кивнул, словно такого объяснения было вполне достаточно, и стал рассказывать о споре с преподавательницей из соседнего кабинета.

Та весь день уверяла, что в инструменте появилось постороннее тонкое позвякивание. Антон несколько раз проверил всё, попросил её послушать вместе с ним и в конце концов обнаружил, что звук идёт от телефона, оставленного в кармане пальто на стуле. Преподавательница сначала не поверила, затем достала телефон и объяснила, что новый сигнал сообщений поставила внучка. Антон рассказывал без насмешки, воспроизводя собственную растерянность, когда звук снова возник уже после того, как он закончил работу. Марина представила знакомую коллегу, которая смотрела бы на телефон с таким же недоверием, как на нерадивого ученика, и неожиданно улыбнулась.

— Она вам поверила? — спросила Марина, обхватив кружку ладонями. Чай был слишком горячим, и пришлось немного подождать, прежде чем сделать глоток. — Или всё равно попросила ещё раз проверить? Я её знаю, она просто так не сдастся. Особенно если уже успела сказать кому-нибудь, что инструмент испортили.

— Попросила, конечно, — ответил Антон и тоже улыбнулся. Он отломил кусочек печенья, придерживая ладонью крошки, чтобы не рассыпать по столу. — И я проверил. Пока проверял, она выключила звук, потом включила обратно и спросила, не могу ли я заодно поставить ей что-нибудь попроще. Так что к концу дня я всё-таки устранил причину жалобы. Правда, немного не там, где собирался.

Марина рассмеялась тихо и сразу почувствовала непривычную слабость, словно после долгого напряжения отпустило что-то под рёбрами. Антон не обратил на это особого внимания, продолжил разговор о школьных делах, спросил, не изменилось ли расписание на следующую неделю. Она ответила, вспомнила, что один класс будут занимать дольше обычного, и объяснила, когда удобнее прийти. Постепенно разговор стал совсем обычным. Марина допила чай, взяла ещё одно печенье и поняла, что проголодалась; от этого простого открытия ей почему-то захотелось заплакать снова, но теперь она сумела спокойно дождаться, пока желание пройдёт.

У выхода Антон придержал тяжёлую дверь, пропуская её вперёд. На ступеньках было скользко, и Марина спустилась осторожно, держась за перила, пока он шёл рядом со своей сумкой. Они попрощались у дорожки, ведущей к остановке. Антон сказал, что завтра закончит работу в её классе, и попросил передать дежурной, если Марина решит прийти раньше. Она обещала и пошла к автобусу, чувствуя на лице холодный воздух. За время их разговора она ни разу не назвала Павла и не услышала ни одного вопроса, на который пришлось бы отвечать через силу.

Дома горел свет в кабинете. Марина разделась, вымыла руки и разогрела ужин; на этот раз смогла поесть, не заставляя себя проглатывать каждый кусок. Потом достала ноты на завтра и положила телефон рядом со столом. Дашино сообщение пришло, когда она записывала в ежедневник напоминание о перестановке урока. Сначала появился файл, затем несколько строк: дочь извинялась, что вчера не отправила, просила посмотреть всё спокойно и добавляла, что отец тоже переживает. Последней была просьба хотя бы теперь пожалеть его и постараться договориться.

Марина перечитала сообщение, не открывая файл. Перед глазами возникла Даша в прихожей, коробка с пирогом под мышкой, осторожная рука, коснувшаяся её пальцев на полке. Вчера ей хотелось верить, что дочь доедет домой, останется одна со своими мыслями и поймёт, что произошло за столом. Теперь прошёл ещё один день, а Даша всё так же просила пожалеть отца. Марина положила телефон, закончила запись в ежедневнике и только после этого снова взяла его в руки. Она открыла присланное, увидела знакомые строки и сохранила файл отдельно, чтобы не искать потом в переписке.

Отвечать дочери сейчас она не стала. Марина достала бумажную папку, которую вечером переложила из столовой в ящик кухонного стола, и посмотрела на верхний лист с предложенными условиями. Ей всё ещё было трудно разбираться в суммах, но она уже понимала, что слушала объяснения только от Павла и Даши, которые готовили этот расчёт вместе. Нужно

было поговорить с человеком, не участвовавшим в воскресном обеде. Марина открыла расписание, проверила время первого завтрашнего урока и нашла, куда можно обратиться за консультацией. Номер записала на отдельном листке, положила его в папку и убрала папку в рабочую сумку, поверх нот.

Глава 3. Я ничего не обещала

В приёмной Марина сел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.